

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

Засуха, голод 1946—47 годов

Павел Николаевич Милуков — ученый и политик

Коллективизация в Узбекистане

Советская экономика начала 30-х годов глазами английского ученого

Тень Столыпина над Россией

Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси

Некоторые размышления вслух: историческая наука в прошлом и настоящем

Н а ш и п у б л и к а ц и и:

Следственное дело провокатора Малиновского (продолжение)

Документы ЦК «Союза 17 октября» (продолжение)

Французский капитал в акционерных предприятиях России накануне Октября

4

1991

ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Революционные преобразования в экономике, политической, духовной жизни, развернувшиеся в последние годы, заставляют по-новому оценить важнейшие события истории СССР. Особое внимание как ученых, так и самых широких слоев общественности привлекают полный драматизма послеоктябрьский период, перемены, предопределившие развитие страны в последующие десятилетия. В их числе важное место занимают аграрные преобразования.

Истории коллективизации в Узбекистане посвящено большое число работ. Исследователями был выявлен и обобщен огромный фактический материал. Однако в обстановке серьезных нарушений демократии в нашей стране многие вопросы темы оставались закрытыми либо освещались односторонне. Историки не смогли вскрыть всех сложностей и трудностей процесса коллективизации, освещали материал догматически, некритически относились к источникам. В значительной степени это объясняется ограничением доступа к архивным документам, нарушением свободы научного творчества во времена культа личности и застоя.

В данной работе сделана попытка, основываясь на архивных данных, рассмотреть не использовавшиеся ранее учеными материалы периода сплошной коллективизации в Узбекистане.

Сельское хозяйство Узбекистана в 20—30-е гг. давало большую часть национального дохода, а дехкане составляли значительное большинство его населения. Решение аграрного вопроса было определяющим в развитии региона. Октябрьская революция коренным образом изменила социальный статус узбекского дехканства. Принятые советским правительством в 1917—1924 гг. аграрные законы были встречены большей частью дехкан с удовлетворением. Революция пробудила политическую активность дехканских масс, что нашло отражение в участии их в работе советских, партийных, комсомольских, классовых организаций (союз «Кошчи» и др.).

В аграрных отношениях республик Средней Азии по сравнению с центром страны в 20-х гг. осуществлялись более радикальные преобразования. Речь идет о земельно-водных реформах 1921—1922 и 1925—1929 гг., проведение которых в основном совпало с осуществлением новой экономической политики в стране. В ходе реформы 1921—1922 гг. было уравнено фактическое землепользование коренного (казахского, киргизского, узбекского) и русского крестьянства (последнее поселилось в Туркестане в основном в результате столыпинской аграрной реформы), осуществлены меры по подъему урожайности в дехканских хозяйствах, по улучшению агрономической работы, что способствовало развитию и укреплению сельского хозяйства Узбекистана. Выросли посевные площади, в первую очередь под техническими культурами, развивалось кооперирование дехканских хозяйств, в сельскохозяйственном производстве появились машины.

В то же время массовая неграмотность, низкий культурный уровень населения, наличие феодальных пережитков, экономическая отсталость отдельных районов республики, малочисленность местного промышленного пролетариата, бюрократизация советского, партийного и хозяйственного аппарата негативно отразились на судьбах дехканства и переустройстве кишлака.

В восстановлении сельскохозяйственного производства в Средней Азии, в том числе и в Узбекистане, важную роль сыграла большая помощь государства, ускорившая процесс ликвидации неравенства ранее угнетенных народов в области экономики. Если расходная часть союзного бюджета выросла в 1928 г. по сравнению с 1925 г. на 85%, то по республикам Средней Азии — на 197%¹. Соответственно этому росли и капитальные вложения в сельское хозяйство. При этом на одно крестьянское хозяйство в среднем по Союзу приходилось 8 р. 40 к., а по Узбекистану — 12 р. 94 к., т. е. на 54% больше². Параллельно этому осуществлялось снижение сельскохозяйственного налога, доля которого во всем комплексе налоговых поступлений снизилась с 13,6% в 1925/26 г. до 11,2% в 1927/29 г.³

Государственная помощь содействовала прежде всего интенсивному росту посевных площадей, причем если по СССР ежегодный прирост их составлял в среднем 5,5%, то в республиках Средней Азии он не опускался на поливных землях ниже 10%, а в отдельные годы достигал 16%⁴. Особенно быстро росли посевные площади под хлопчатником, что объяснялось заинтересованностью государства в возделывании этой культуры.

Структура кишлака к середине 20-х гг. еще сохраняла немало особенностей, свойственных ей в дореволюционный период. Одной из них была ярко выраженная парцеллярность, сочетавшаяся с большой аграрной перенаселенностью, другой — чересполосица. Кроме того, примитивность агротехники, ирригационной системы, нехватка средств на их совершенствование в связи с общим низким социально-экономическим уровнем развития республики способствовали тому, что естественный прирост сельскохозяйственного населения не сопровождался соответствующим ростом обрабатываемой площади. Сельское население сосредоточивалось в небольших районах старого орошения, главным образом в Ферганской долине, Ташкентском, Зарафшанском, Хорезмском оазисах.

Вторая реформа (1925—1929 гг.) привела к гораздо большим изменениям в кишлаке, чем преобразования 1921—1922 гг. В результате этой реформы, ставившей задачу передела земли, воды и других основных средств производства с целью ликвидации хозяйств так называемого «помещичьего типа», преодоления остатков феодально-патриархального уклада в земледелии, только в четырех областях — Ташкентской, Ферганской, Самаркандской и Зарафшанской — образовался фонд наделения землей размером в 254,2 тыс. дес. Основную его часть (около 70%) составляли экспроприированные земли, остальную — земли нового орошения (17,5%) и государственного земельного имущества (8%), а также вакуфы, земли горожан и безвестно отсутствующих граждан. За счет фонда было обеспечено землей около 10% нуждающихся дехканских хозяйств.

Эта реформа решила со значительным опозданием приблизительно ту же задачу, что и экспроприация помещичьих земель в России в 1918—1919 гг. Но в ходе реформы урезывались или подвергались экспроприации и хозяйства помещичьего типа. По сути земельно-водная реформа ликвидировала хозяйства богатых дехкан (или кулаков) и значительную долю хозяйств более зажиточной части середняков, т. е. практически провела «раскулачивание» почти в том объеме, в каком в России оно было осуществлено значительно позднее, уже в годы массовой коллективизации. После реформы бедняки составляли 37,6% дехканских хозяйств. На долю зажиточных приходилось не более 1,4%. Это были дехкане, владевшие в основном 5—7 дес. земли и при этом не всегда в достаточной мере обеспеченные рабочей силой, скотом и сельскохозяйственным инвентарем.

В числе вопросов аграрной политики в Узбекистане накануне коллективизации немаловажное место занимает вопрос о развитии сельскохозяйственной кооперации, о ее роли в стабилизации земледелия и животноводства в середине 20-х гг.

К концу 1924 г. сельскохозяйственные кредитные товарищества (их к этому времени было 912) объединились в 18 районных союзов, а число их членов достигло 233,5 тыс. человек⁵ 87% дехкан, объединенных в кооперативы, занимались хлопководством. Совершенно незначительным (13%) в системе кооперации был удельный вес товариществ по другим отраслям сельскохозяйственного производства: всего несколько десятков садовых и виноградных, еще меньше — скотоводческих и полностью отсутствовали шелководческие. Значительное развитие хлопководческой кооперации объяснялось заинтересованностью государства в развитии этой отрасли сельского хозяйства.

Развивались различные виды кооперации: сбытовая, снабженческая, кредитная и производственная. Каждая из них показала большие возможности восстановления и развития сельского хозяйства. Кооперативы сыграли значительную роль в развитии хлопководства. Если в 1924 г. в республике было восстановлено 50,4% дореволюционного уровня посевов хлопчатника, то в 1925 г. — 71,6%⁶. На 1 июля 1926 г. сельскохозяйственная кредитная кооперация располагала 12 райсоюзами, 694 товариществами. В них входило 368,7 тыс. членов⁷.

В решениях XIV Пленума Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) (октябрь 1927 г.) было решено усилить внимание механизации кооперированного сельского хозяйства Средней Азии (передача тракторов кооператорам, техническая помощь, снабжение деталями и т. д.). Большая роль отводилась организации машинных товариществ. Инициативу организации их на местах должны были взять на себя союзы «Кошчи»⁸.

Посредством кооперации социалистическое государство регулировало деятельность частного хозяйственного сектора, способствовало росту в сельской местности товарооборота и развитию государственного кредита, организации и объединению массы мелких производителей. Кооперация выполняла помимо этого важную воспитательную функцию.

Вместе с тем в работе кооперации в Узбекистане имелись и специфические трудности. Она испытывала острую потребность в опытных кадрах, в материальных средствах. Система контрактации, которой дехкане через кооперативы были охвачены почти поголовно, далеко не всегда была выгодна дехканам и нередко сводилась к навязыванию им производства хлопка-сырца и других культур. Кооперативы часто не выдерживали конкурентной борьбы с частным рынком. Они нуждались в лучшей организации и в большей материальной поддержке. Однако такой всесторонней поддержки сельскохозяйственная кооперация не получила, а с началом массовой коллективизации стала сворачиваться.

Как известно, тенденция к искусственному форсированию коллективизации стала резко усиливаться в стране с осени 1929 г., когда был принят лозунг сплошной коллективизации. Массовая коллективизация покончила с нэпом в то время, когда его преимущества еще только начали реализовываться.

Первоначально в Узбекистане и других национальных республиках коллективизацию намечалось завершить на протяжении второй пятилетки. Однако накануне массовой коллективизации в Средней Азии возобладало авантюристическое убеждение, что провести ее можно в предельно короткий срок. Коллективизация осуществлялась кампанийскими методами, сопровождалась многочисленными фактами репрессий, грубейшими нарушениями законности. Дехкан заставляли идти в колхозы. Сопrotивляющиеся подвергались «раскулачиванию». Уже через месяц отдельные районы, в которых до начала кампании не было ни одного колхоза, рапортовали о «стопроцентной коллективизации». По Ташкентскому округу первоначально намечалось вовлечь в колхозы 30% дехканских дворов, затем план был пересмотрен до уровня 93%; по Бухарскому округу он составил соответственно 28 и 48%; по Хорезмскому — 5,5 и 48%⁹.

Ускоренные темпы коллективизации в Узбекистане, как и в целом по стране, связывались с администрированием, стремлением любой ценой выполнить ука-

зания. Забитость основной массы дехкан создавала благоприятные условия для выполнения планов коллективизации приказным путем.

Массовая коллективизация сопровождалась обобществлением жилых построек, мелкого скота, птицы, что отмечалось в Ташкентском, Ферганском, Самаркандском округах. В результате в некоторых районах бедняцкие и середняцкие хозяйства, не решавшиеся вступать в колхозы и в то же время не уверенные в возможности вести индивидуальное хозяйство, не готовились или плохо готовились к весеннему севу¹⁰

17 февраля 1930 г. принимается постановление ЦК КП(б) Узбекистана о коллективизации в 1930 г. 36—42% дехканских хозяйств. Устанавливалось 17 районов сплошной коллективизации — Ассакинский, Шахриханский, Джалалкудукский, Нарынский — в Андижанском округе; Янгиюльский, Пскентский, Мирзачульский — в Ташкентском округе; Кувинский, Чустапский, Багдадский, Ферганский — в Ферганском округе; Сарыасийский, Денауский — в Сурхандарьинском округе; Новобухарский, Гиждуванский — в Бухарском округе. Районы эти находились как в относительно развитых сельскохозяйственных округах (Ташкентский, Ферганский, Самаркандский), так и в отсталых, еще недавно входивших в состав Бухарской Народной Советской Республики¹¹

Доклады уполномоченных свидетельствовали о недоверии дехкан к новым органам власти на местах. Из бесед с середняками выяснилось, что они считают выбранных в сельсоветы и назначенных в волревком лиц представителями интересов зажиточных групп населения, баев. Бедняцкая и середняцкая часть населения Ниязбекской волости настолько была запугана волостной сельской администрацией, что боялась проявить малейшую инициативу со своей стороны и высказать какое-либо недовольство¹²

Как сообщал уполномоченный по Каракульской волости (Бухарский округ) И. Рубинштейн, «низовой советский аппарат совершенно не пользуется авторитетом у населения, которое считает, что практически власть не изменилась. Тем более, что руководящий состав сельсовета меняется каждые 10—12 дней после выборов. Причем причины быстрой смены никому не были известны»¹³

В начале 1930 г. в связи с угрозой крестьянской войны в стране правящие круги вынуждены были пойти на осуждение искривлений в колхозном строительстве, погони за неоправданно высокими темпами коллективизации, нарушения принципа добровольности. ЦК ВКП(б) в январе 1930 г. направил в Средазбюро телеграмму, в которой указывалось на недопустимость проведения сплошной коллективизации в экономически отсталых областях темпами, рекомендованными для ведущих аграрных районов страны. 2 марта 1930 г. была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», а 14 марта — постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». На места было послано закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г.¹⁴ Это, как известно, привело к резкому отливу крестьян из колхозов.

Отступление было, в сущности, демагогическим жестом, обманом крестьянских масс, попыткой ослабить назревавший протест. С весны возобновилась практика создания районов сплошной коллективизации. Уже летом 1930 г. вновь возобладали административно-приказные методы образования колхозов. Новое ужесточение темпов коллективизации объяснялось в официальных документах укреплением колхозов, усилением классовой борьбы.

Одновременно с массовой коллективизацией проводилась т. н. ликвидация кулачества как класса. С самого начала эта акция сопровождалась произволом и насилием. Социальная принадлежность к кулачеству в Узбекистане, как и во всей стране¹⁵, устанавливалась произвольно. Так, заведующий орготделом Янгиюльского райкома — уполномоченный по ликвидации кулачества в кишлаке Занги-Ата сообщал: «Точного представления о том, кого считать кулаком, у нас не было, благодаря этому и благодаря спешке с вопросом ликвидации у нас получилось такое положение, что мы начали искать методы ликвидации кулака сами, на глаз. Как у нас, так и у представителя округа,

никаких ясных представлений по этому делу не было, поэтому всю работу провели, как кто хотел. В частности, у меня по Занги-Ата арестовано было до 80 человек, в число коих попали середняки и бедняки. Сейчас их у меня осталось только 20 чел., из коих тоже надо часть выпускать, но некоторых прямо выселять. Забирали все имущество, вплоть до пиалы, тарелок и т. д. Это произошло потому, что явных указаний в этом вопросе не было»¹⁶ В том же духе высказался заведующий райфинчастью Янгиюльского района Харитонов: «Вызывают меня ночью и говорят, что я должен поехать на ликвидацию, выдают удостоверение, а как, что, ничего не говорят».

В результате наравне с кулацкими в районе были ликвидированы хозяйства и середняков, и бедняков. Так, по тому же кишлаку Занги-Ата было ликвидировано 42 хозяйства, в том числе дехкана Казакбаева Абдуллы, сельхозналог которого составлял всего лишь 158 руб., а также Ибрагимова Ашрафа — 238 руб., Ташходжаева Муллы — 214 руб., Усманходжаева — 93 руб. и т. д.¹⁷ Точных сведений по всему району о количестве ликвидированных середняцких и бедняцких хозяйств не было. Отсутствовали и сведения о количестве ликвидированных кулацких хозяйств. Лишь немногим из них удалось избежать ликвидации¹⁸ Такая же картина наблюдалась в селении Чиназ, где из 30 с лишним ликвидированных хозяйств удалось изъять всего 18 лошадей, что показывает, что и здесь были экспроприированы не только т. н. кулацкие, но и бедняцкие, и середняцкие хозяйства¹⁹

В Узбекистане, где преобладало хлопководство, даже беднейший дехканин использовал наемный труд, занимался торговлей, реализуя часть выращенной продукции. Раскулачивали за религиозность, за проявление недовольства действиями администрации, сводили личные счета. Поэтому даже бедняки, опасаясь попасть в «кулаки», сокращали свою хозяйственную деятельность. Раскулачиванию подверглись главным образом зажиточные середняки. Так, в Пскентском районе Ташкентской области 2,8% кулацких хозяйств, подлежавших экспроприации и выселению, владели всего 4,6% поливных земель²⁰

О методах раскулачивания писал в докладной записке уполномоченный по Ташкентскому округу Алимов. «По кишлакам Яллома, Эски, Ташкент и в поселке Сталино во время ликвидации проводилась национализация всей домашней обстановки ликвидируемого хозяйства и религиозных принадлежностей как у мулл, так и у священников. В частности, в селении Сталино было ликвидировано хозяйство священника Варламова, коему было предложено в 2 часа выехать из района. Внутренности дома, в котором живет Варламов, представляли отвратительную картину самого беспардоннейшего обыска. Описанное имущество находилось в ужасном беспорядке и все было перевернуто вверх дном. Все имущество у него было отобрано, церковь же тут же закрыта. Одновременно с закрытием церкви проводилось закрытие мечетей»²¹

Были случаи, когда райкомы давали жесткие инструкции, предусматривавшие экспроприацию у «кулаков» всего скота, кормов, личного имущества, вплоть до предметов домашнего обихода. Вот один из таких документов — мандат, выданный Янгиюльским райкомом партии коммунистам, которые посылались в качестве уполномоченных для проведения коллективизации в село: «Поручается изъятие всего живого и мертвого инвентаря, продуктивного скота, зернового и кормового запаса и других ценностей для передачи в неделимый фонд колхозов. В случае сопротивления и сокрытия подлежащих изъятию инвентаря, скота и других, дается право прибегнуть к мерам ареста. Невыполнение распоряжений и противодействие будет рассматриваться как контрреволюционное выступление со всеми последствиями»²²

В кишлаке Каунчи того же Янгиюльского района: «Ночью вооруженные уполномоченные в сопровождении вооруженных представителей милиции входили в дома раскулачиваемых, отбирали все — начиная со скота, до денег, одежды, белья, посуды и т. д. В некоторых случаях даже не были составлены описи изъятых вещей. Всего по району было раскулачено 500 человек. Все они

были доставлены в районное отделение милиции, где находились до восьми суток. Большинство арестованных составляли ни в чем не повинные люди»²³

Как и в целом по стране²⁴, ликвидация кулачества как класса рассматривалась в ряде случаев как самостоятельная задача, ставящая целью пополнение бюджета.

Раскулачивание вызвало неуверенность и тревогу среди дехкан. Многие бежали, бросив свои хозяйства на произвол судьбы. В ряде кишлаков Андижанского округа (Парча-из, Узбекобод и др.) зажиточные дехкане-середняки спешно распродавали инвентарь, скот, вырубали садовые насаждения. Многие не платили налогов, отказывались от заявок на хлопковые посевы²⁵

Основанием для определения кулацких хозяйств служили списки зажиточных дехкан, индивидуально обложенных сельхозналогом. Они составлялись в районных финансовых органах и, как правило, не перепроверялись, в результате чего вместо кулацких в большинстве случаев ликвидировались середняцкие, а то и бедняцкие хозяйства.

Другим признаком при определении кулацкого хозяйства были списки лишенных избирательных прав, хотя и для определения принадлежности к этой категории лиц четких критериев не было.

Процент лишенных избирательных прав был очень высоким, например, по Шахрисабзскому району Кашкадарьинского округа — 23%, Бекбудинскому — 22%, Яккабагскому — 10%²⁶ Нередко лишали прав семью середняка за то, что сын находился под судом; батраков, бедняков, середняков — за то, что они нанимают сезонных рабочих или батраков, которые «служат у чуждого элемента». В то же время имелся целый ряд фактов, когда баев, кулаков и мулл — даже тех, у которых батраки были лишены прав «за связь с чуждым элементом», не трогали, обходили, «не замечали», и они пользовались всеми правами и льготами²⁷ В отдельных районах наряду со средствами производства конфисковались домашняя утварь, продукты питания²⁸

Применялось запугивание лишением кредитов, практиковалось формальное голосование на общих собраниях, обязывающее меньшинство вступать в колхозы. Ответом на столь грубый нажим со стороны административно-командной системы были выступления дехкан.

Так, 15 июня 1930г. с территории Искаватского сельсовета Андижанского района двинулись в районный центр с жалобой около 2 тыс. дехкан с кетменями, топорами. Их встретили секретарь райкома партии Бадалбаев, председатель РИКа Хайитбаев, уполномоченный по Искаватскому сельсовету Рахимбаев. Поскольку диалога с собравшимися не получилось, районное руководство приказало открыть огонь по толпе. Было ранено несколько бедняков и батраков и взято под арест 20 с лишним человек, среди них были и женщины²⁹ Выступления дехкан имели место также в Ферганском, Багдадском районах³⁰ Напряженное положение сложилось в Янгиюльском районе Ташкентского округа, о чем упоминал в своей докладной записке уполномоченный этого района. «Как мне удалось выявить, атмосфера в районе исключительно сгушенная. Узбекская часть населения поговаривает о „басмаче“ Джаны Бек Кузы, русская же часть населения стремится уйти из района»³¹.

Тревожное письмо поступило в ЦК КП(б)Уз от председателя Термезского отделения «Хлоптрест» 29 мая 1930 г. В нем сообщалось: «На почве неустойчивости колхозов тяга к распаду их чувствуется определенно, но ввиду осложнения при выходе создано в данный момент кажущееся успокоение, которое может вылиться в крупное выступление против Советской власти»³²

В некоторых районах «ликвидация кулачества как класса» вылилась в настоящий террор против середняка и привела к далеко идущим социальным последствиям — вытеснению его из узбекского кишлака.

Обратимся к свидетельствам непосредственных участников событий. «Райпарторганизации, — сообщал представитель Касан-сайского района Андижанского округа, — не знают, как определить социальные группы. Всего было

лишено прав 1770 человек, включая 894 середняка, принятых за кулаков и 596 дехкан, лишенных прав за религиозность»³³

«Середняк в сельсовете и колхозе механически „превратился“ в бедняка», — сообщал уполномоченный Шахрисабзского района Кашкадарьинского округа. «Некоторые середняки неправильно попали в ряды кулака и бая. Есть середняки, никогда не нанимавшие работников, а работавшие со своими сыновьями — они уплатили большой налог, как зажиточные. Эти случаи пугали середняков и когда их кто-нибудь спрашивал о социальном положении, то они всегда отвечали: бедняк. Таким образом, середняки механически исчезли»³⁴

В Туда-Майдонском сельсовете середняк также исчез, сообщал председатель Туда-Майдонского сельсовета Андижанского округа Кутби. Когда спросили об этом секретаря правления сельсовета, он ответил: «У нас все бедняки». В ряде округов середняков лишали избирательных прав. Во время сбора семфонда их вносили в списки кулаков, что влекло за собой увеличение с них размера взноса³⁵ В том же Туда-Майдонском сельсовете лишенцами стали середняки, кустары, даже бедняки³⁶ Вновь наделенные землей бедняцкие хозяйства попали также в число кулаков. Средняки боялись войти в колхоз. В колхозах не было ни одного середняка совершенно. Зато зажиточные дехкане, опасаясь экспроприации, создали свой колхоз — „Пайкал“³⁷

Материалы комиссии НК РКИ также свидетельствовали о процессе «исчезновения» середняка как центральной фигуры земледелия. Так, по Сталинскому району Андижанской области в 1929 г. середняцких хозяйств было 68,4%, а в 1930 г. стало 16%³⁸ Соответственно изменилось и соотношение других социальных групп. Бедняцких хозяйств было 30,6%, а стало 49,2%³⁹

Примерно та же картина была и в других районах республики. «Антисредняцкие» настроения были широко распространены среди партийно-советских руководителей, а также ответственных работников союза «Кошчи». Они утверждали, что «середняк естественно рассасывается» (Фергана), что ввиду особых условий местных середняков в данном округе вообще мало, меньше, чем других слоев населения (Кашкадарья, зав. ОКРФО Рузиев), потому, дескать, и внимания на них особо обращать не стоит⁴⁰ В Китабском сельсовете Кашкадарьинского округа уполномоченный Тураев инструктировал середняков: каждый, кто наймет работника хоть на один день, будет считаться кулаком. В Ферганском округе были попытки организовать колхозы исключительно из батраков и бедноты, середнякам же предлагали создавать собственные средняцкие колхозы. Это еще больше оттолкнуло середнячество — основную массу дехкан — от колхозов⁴¹ Чтобы не попасть в списки кулаков, середняки не нанимали сезонных рабочих. В результате посевной план, особенно по хлопку, не был выполнен⁴² В той же Кашкадарье, как сообщал уполномоченный Каххаров, ссылаясь на существование директивы из центра, середняков и одиночников не снабжали сельхозинвентарем.

Официально массовая коллективизация в Узбекистане была завершена весной 1932 г. В апреле обобщественный сектор объединял 74,9% общего количества дехканских дворов республики. Сравнение этого показателя с данными других республик свидетельствует, что Узбекистан превосходил по темпам коллективизации более развитые союзные республики. Так, к середине 1932 г. колхозы Грузии объединяли 36,4% крестьянских хозяйств, Армении — 37,9%, Белоруссии — 47,8%, в районах Промышленного центра, Запада и Северо-Запада РСФСР — от 39 до 50%⁴³

Наиболее тяжелый удар нанесла сплошная коллективизация по животноводческим районам Узбекской республики. Животноводы восприняли обобществление скота однозначно — как его реквизицию государством. В отличие от земли и другой недвижимой собственности, которую нельзя было ни продать, ни уничтожить, хозяйства животноводов с трудом поддавались контролю. Предотвратить неизбежное при административных методах образования животноводческих колхозов уничтожение скота было практически невозможно. И хотя

Поголовье скота в Узбекистане в 1928—1938 гг.
(тыс. голов) *

	1928 г.	1932 г.	1937 г.	1938 г.
Крупный рогатый	1718,6	1003,9	1153,7	1410,9
Овцы	600,2**	2199,6**	2431,3	2801,0
Свиньи	4,7	14,5	126,7	76,3
Лошади	550,2	390,7	358,7	381,4
Верблюды	140,6	91,6	46,7	48,3
Ослы и мулы	334,9	221,7	263,0	305,8

* ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 8, д. 3609, л. 79.

** Включены и козы.

были установлены сжатые сроки передачи скота в колхозы (до 10 дней), этого времени оказалось достаточно для массового убоя и угона скота (в том числе за границу, в Афганистан), принявших колоссальные размеры. Не помогли ни угрозы, ни репрессии. Для восстановления животноводчества понадобились долгие годы (табл. 1). Резкое снижение поголовья произошло по всем видам скота, кроме свиней.

Узбекистан, как и все республики Средней Азии, понес гораздо большие потери в поголовье скота, чем другие регионы нашей страны.

По официальным данным, число выселенных кулаков в результате коллективизации составляло в Узбекистане 5550, в том числе по Ферганской долине — 2 тыс., по Ташкентскому округу — 800, Бухарскому — 500, Зарафшанскому округу — 400, Хорезмскому оазису — 700, Кенимехскому району — 50 и т. д.⁴⁴ Несомненно, что численность «раскулаченных» в Узбекистане была намного меньше, чем на то же число сельского населения в РСФСР или на Украине, так как большинство хозяйств зажиточных дехкан, как отмечалось выше, было экспроприровано уже в годы земельно-водной реформы. Основная масса раскулаченных была расселена в 1931 г. главным образом в пределах Средней Азии⁴⁵ В 1932 г. выселение производилось уже за пределы среднеазиатских республик — в Казахстан, на Украину, Северный Кавказ и в другие районы⁴⁶ Если же принять во внимание, что процент зажиточных в Узбекистане составлял 1,4 при общей численности хозяйств около 800 тыс., а также то, что средняя дехканская семья имела не менее 5—6 членов, то число раскулаченных хозяйств в республике фактически составляло 11—12 тыс., и с учетом членов семей — более 60 тыс. человек. В отдельных районах Узбекистана процент «раскулаченных» достигал, как и в России, 10—15. Например, в Мирзачульском районе Ташкентского округа в ходе раскулачивания, проведенного в 1932 г., в списки репрессируемых было внесено 194 хозяйства, или около 10%. 54 из них были ликвидированы, земли остальных подверглись урезке и обложению дополнительными налогами. Среди «раскулаченных» было 29 семей, признанных середняками, но подрабатывавших торговлей.

С завершением «сплошной коллективизации» вне колхозов еще оставалась часть дехкан-единоличников. На них оказывались жестокие меры давления с целью принудить их вступить в колхозы. Так, в сентябре 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли Закон о единовременном налоге на единоличника⁴⁷ Размер налога был сильно увеличен, что поставило единоличника в худшее положение по сравнению с колхозниками, обрекло его на нищенское существование.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 марта 1935 г. предусматривалось, что единоличные хозяйства авансируются на 25% меньше норм, выделяемых для колхозников⁴⁸

В Узбекистане сохранились во второй пятилетке более высокие, чем в целом по стране, темпы вовлечения в колхозы единоличников, о чем свидетельствуют данные таблицы 2.

Коллективизация крестьянских хозяйств (в %) *

Республика	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
СССР	71,4	83,2	90,5	93,0
РСФСР	71,6	83,4	90,5	92,6
УзССР	78,5	82,8	90,4	95,0

* История социалистической экономики. Т. 4. М., 1978. С. 345.

Проявлением администрирования в колхозном строительстве стало также преобразование тозов (товариществ по совместной обработке земли), сохранившихся во второй половине 30-х гг. главным образом в отдельных областях Узбекистана (Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Бухарской и т. д.), в сельхозартели. Устав тозов четко определял, что все средства производства (рабочий скот, инвентарь и др.) являются частной собственностью членов тозов. Последние должны были их предоставлять в коллективное пользование только в период сельскохозяйственных работ и за определенную плату, которая устанавливалась правлением тоза по соглашению с членами товарищества. На оплату рабочего скота, участвующего в общественных работах, правление тоза создавало специальный фонд, который расходовался в зависимости от количества произведенной работы.

В решениях XVI съезда ВКП(б) отмечалось, что для национальных республик Востока СССР была характерна торопливость в деле завершения коллективизации, политической и хозяйственной подготовки бедноты, середнячества, всей дехканской массы к колхозам, перешагивание через тозы, принудительное обобществление скота и приусадебных участков⁴⁹

Исходя из решений съезда, Средазбюро ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 7 января 1934 г. указало, что тозы являются основной формой коллективизации на этом этапе для Каракалпакской республики, ряда районов Хивинского оазиса, зерновых и животноводческих районов республики.

Однако уже с лета 1934 г. в республике вновь активизировалась работа по завершению коллективизации. И преобразование тозов осуществлялось в приказном порядке. В результате число дехканских хозяйств Узбекистана, не вступивших в колхозы, сократилось с 5% в 1937 г. до 0,8% к середине 1939 г., а посевные площади в них — с 0,6% до 0,03%.

Так прекратила свое существование в республике категория единоличных хозяйств.

В ходе коллективизации возникали серьезные диспропорции в уровне обобществления средств производства. Легче всего было обобществить землю, но для коллективизации рабочего и мясо-молочного скота не хватало кормов и помещений. Поэтому часть его временно оставляли за прежними владельцами. В районах сплошной коллективизации было обобществлено 67,5% земли, уровень же обобществления скота был ниже — 41,6% лошадей, 41,2% волов.

Организация колхозов происходила без наличия экономических предпосылок для развития крупного хозяйства. Большинство артелей не были достаточно снабжены инвентарем, не имели крупных машин и подсобных предприятий, обеспечивающих труд в течение круглого года⁵⁰ В них недоставало кадров руководителей, отсутствовало необходимое землеустройство и правильная система организации и вознаграждения труда, учета⁵¹.

Характерно, что это понимали и осмеливались докладывать в ЦК свое мнение отдельные коммунисты, непосредственные участники коллективизации. Так, уполномоченный ЦК КПУз по Ташкентскому округу двадцатипяти тысячник Денисов в своей докладной записке писал: «Мы считаем неправильной установкой на то, чтобы создавать в начале высокую форму производственного объединения, а потом производственную и организационную базу. Надо сначала орга-

низовать дехканство в простейшие формы производственного объединения, как-то: машинные товарищества, постепенно создавать необходимые производственные и организационные предпосылки, после чего колхоз сам неизбежно преобразуется в колхоз высшей формы»⁵². По мнению автора докладной записки, основные ошибки, допускаемые при оказании государственной помощи колхозам, сводились к следующему: кредит колхозам отпускался почти исключительно на основе лишь факта существования колхозов⁵³; недостаточно учитывалось, что собой представляет кредитуемый колхоз в хозяйственном и организационном отношении, может ли он рентабельно вести свое хозяйство, имеются ли в наличии предметы, на которые отпускались кредиты, соответствует ли действительное положение в колхозе той уставной форме, которая принята для колхозов, и т. д.⁵⁴

Нередко в артелях сумма полученного кредита превышала стоимость коллективных средств производства. Кредит, полученный колхозами, уходил в индивидуальные хозяйства. Имела место чрезвычайная распыленность кредитов по мелким хозяйствам⁵⁵

Сплошная коллективизация сопровождалась ухудшением жизненного уровня дехканства. Резко снизились нормы потребления мяса сельским населением. Так, если в 1930—1931 гг. потребление мяса на душу населения в городе составляло 39,15 кг, то в кишлаке — 19,17 кг (в Узбекистане нормы потребления мяса по сравнению с другими республиками Средней Азии были самыми низкими). После прекращения завоза скота из других регионов в связи с общим уменьшением его поголовья в стране нормы потребления мяса в республике снизились до минимума.

В центральные партийные органы с мест поступали тревожные письма. Из колхоза «Кызыл дехкан» под Самаркандом писали: «Люди едят хлеб с водой, больше ничего нет, хлеба и того недостаточно. Кроме того, неграмотных дехкан обвешивают. Нашему колхозу недовесили на днях муки 40 кг, а деньги за них получили»⁵⁶.

В атмосфере администрирования и командования, сложившейся в годы сплошной коллективизации, не могла развиваться колхозная демократия, дела многих колхозов единолично вершили председатели. Уже в те годы они беспрекословно выполняли указания райкома партии в своих районах. Собрания, на которых обсуждались производственные вопросы или вопросы организации труда, были большой редкостью.

Тормозом для успешной работы колхозов был крайне низкий образовательный уровень колхозников. Например, в колхозах Кокандского округа к началу 1930 г. грамотные составляли всего 6,1%, малограмотные — 5,6%, основная же масса колхозников была совершенно неграмотной⁵⁷. В 55,5% колхозов вообще не было грамотных.

Сплошная коллективизация сопровождалась директивным введением монокультуры хлопчатника, проводившимся под знаком борьбы за хлопковую независимость СССР. Весной 1930 г. СредАз ЭКОСО направил в ЦК КП(б) и Совнарком Узбекистана телеграмму, в которой говорилось: «В районах сплошной коллективизации, всех других колхозах необходимо категорически добиваться засева трех четвертей клина под хлопок. Примите меры по быстрому доведению до каждого колхоза, обеспечьте безусловное проведение в жизнь»⁵⁸.

Планы развития хлопководства были, как правило, завышенными. Так, в 1932 г., завершающем году первой пятилетки, планировалось довести объем валовой продукции хлопчатника до 1,27 млн. т. Урожайности сырца намечалось повысить на 35% — примерно с 8,1 до 10,6 ц с га. На деле же она значительно снизилась — до 5,9 ц с га⁵⁹

Дехканские хозяйства, насильственно объединенные в колхозы, не были заинтересованы в развитии общественного производства, в повышении производительности труда. На деятельность колхозов негативно влияло то обстоятельство, что членами многих из них являлись лишь главы семейств, а другие

трудоспособные члены семей не работали в колхозе. Это привело, с одной стороны, к нехватке рабочей силы, а с другой — мешало многим тысячам женщин-деханок зарабатывать на жизнь. Уже тогда нехватку рабочей силы, особенно в дни уборки урожая, пытались восполнить трудом горожан, но массовых масштабов эта практика еще не приняла.

Коллективизация в целом по стране, и в частности в УзССР, не выполняла и, по сути, не могла выполнить задачу технического перевооружения сельского хозяйства. Производство средств производства отставало от ее темпов. Поступление в Узбекистан тракторов и другой техники было недостаточным; использовалась она неэффективно из-за нехватки подготовленных кадров. Труд в колхозах оставался по преимуществу ручным. Грубо нарушались принципы материального стимулирования колхозников. За труд в колхозе они получали низкую, иногда символическую плату.

Тяжелый удар развитию сельского хозяйства и экономике Узбекистана в целом нанесли массовые репрессии руководящих кадров во второй половине 30-х гг. Помимо стандартных обвинений в антипартийных блоках большинству осужденных инкриминировались националистические настроения. Были репрессированы и расстреляны А. Икрамов, Ф. Ходжаев, И. А. Зеленский, Е. Зелькина и многие другие опытные руководители, пытавшиеся оградить дехкан от огульного раскулачивания. Были репрессированы председатели колхозов, многие из них расстреляны. Коллективизация в Узбекистане и по всей стране сопровождалась грубейшими нарушениями законности и принесла крестьянству, в том числе и дехканству республики, немалые бедствия.

Осушествление массовой коллективизации, переход всей земли в общественную собственность обусловили отрыв человека от земли, от средств производства. Перестав чувствовать себя хозяином земли, крестьянин превратился в поденщика, наемного рабочего.

К тому же, как известно, после перехода к сплошной коллективизации практически вновь утвердилась продразверстка. Взяв курс на первоочередное развитие тяжелой промышленности, командно-административный аппарат, сформировавшийся в те годы под руководством Сталина, направлял на развитие индустриализации почти все, что зарабатывалось потом и кровью крестьян. В результате нарушения эквивалентного обмена продукции сельского хозяйства и других отраслей, в первую очередь промышленных, крестьянство многое недополучало.

Его доходы отлагались в других отраслях народного хозяйства. Колхозы оказались в тяжелом не только производственном, но и социальном положении.

Административно-командные методы управления сельскохозяйственным производством сохранялись и в последующие годы, нанося интересам колхозников тяжелый ущерб, сковывая их инициативу, обостряя социальные проблемы.

Проблемы аграрных преобразований в Узбекистане нуждаются в дальнейшем серьезном переосмыслении на основе всего имеющегося комплекса источников.

Примечания

¹ За партию (Ташкент). 1927. № 3. С. 42.

² Там же.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-236, оп. 1, д. 678, л. 20—28.

⁶ Там же, ф. Р-197, оп. 3, д. 614, л. 72—84.

⁷ Там же.

⁸ Там же, ф. Р-255, оп. 1, д. 130, л. 89—90.

⁹ Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС (далее — ПА УзФ ИМЛ), ф. 58, оп. 5, д. 765, л. 107.

¹⁰ Там же, д. 743, л. 153.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. 86, оп. 1, д. 188, л. 25.

¹² ПА УзФ ИМЛ, ф. 58, оп. 1, д. 1574, л. 82.

- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. М., 1989. С. 390.
- ¹⁵ См.: З е л е н и н И. Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930—1932 г.) // История СССР. 1990. № 6.
- ¹⁶ ПА УзФ ИМЛ. ф. 58, оп. 6, д. 755а, л. 93.
- ¹⁷ Там же, л. 94.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, л. 194.
- ²⁰ Там же, д. 777, л. 18.
- ²¹ Там же, д. 755а, л. 92.
- ²² ПА УзФ ИМЛ при ЦК КП Уз, ф. 58, оп. 6, д. 755а, л. 92.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: З е л е н и н И. Е. Указ. соч.
- ²⁵ ПА УзФ ИМЛ при ЦК КП Уз, ф. 58, оп. 6, д. 755а, л. 92.
- ²⁶ ПА УзФ ИМЛ, ф. 58, оп. 6, д. 755а, л. 96.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, оп. 1, д. 63, л. 10.
- ³³ Там же, д. 754, л. 40.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же, л. 64.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же, л. 65.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6033, л. 40—43.
- ⁴² ПА УзФ ИМЛ, ф. 58, оп. 6, д. 754, л. 64.
- ⁴³ Там же, ф. 15, оп. 25, д. 2269, л. 39—41.
- ⁴⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 7975, л. 16—18.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Свод законов СССР, 1934. № 48. С. 38.
- ⁴⁸ Там же. № 13. С. 98.
- ⁴⁹ КПСС в резолюциях и решениях... Изд. 9-е. Т. 5. С. 162—164.
- ⁵⁰ ПА УзФ ИМЛ, ф. 58, оп. 5, д. 743, л. 154.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же, ф. 58, оп. 5, д. 743, л. 155.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же, оп. 6, д. 776, л. 12.
- ⁵⁷ За реконструкцию сельского хозяйства. 1930. № 1. С. 33.
- ⁵⁸ ПА УзФ ИМЛ, ф. 58, оп. 6, д. 773, л. 12.
- ⁵⁹ Л а ц и с О. Проблема темпов в социалистическом строительстве // Коммунист. 1987. № 18.

С. 85.

